

A black and white, close-up portrait of Joseph Stalin, showing his face from the nose up, with a prominent mustache and a serious expression. The background is dark.

Иосиф Сталин

Русский
КОММУНИЗМ

Титаны XX века

Иосиф Сталин

Русский коммунизм (сборник)

«Алисторус»

Сталин И. В.

Русский коммунизм (сборник) / И. В. Сталин — «Алисторус»,
— (Титаны XX века)

Сталин – это самый известный и самый неоднозначный из правителей России за всю ее историю. Поколения историков ломают копья вокруг его имени и его деятельности. В своих действиях Сталин всегда опирался на целый комплекс идей, продолжателем которых он был. Мы представляем самые главные, основополагающие работы Сталина, на которых и был основан «сталинизм», или, как его принято называть на Западе, «советский марксизм». Знакомство с трудами И.В. Сталина поможет читателям по-иному взглянуть на эту личность, глубже понять ее и оценить жизненную позицию человека, внесшего весомый вклад в мировую историю.

© Сталин И. В.

© Алисторус

Содержание

Предисловие составителя	6
Анархизм или социализм?	9
I. Диалектический метод	11
II. Материалистическая теория	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иосиф Виссарионович Сталин

Русский коммунизм

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие составителя

Эта книга охватывает долгий путь Сталина в той ипостаси, которую уже более полувека пытаются замолчать как его открытые противники, так и лживые «сторонники» – Сталина как марксистского теоретика.

Безусловно, Сталин был прежде всего практиком, и он сам не претендовал на то, чтобы встать в одном ряду с Марксом, Энгельсом и Лениным как теоретик марксизма, но и как теоретик он сделал многое, в том числе в таком мифологизированном и вызывающем трудности у марксистов наших дней вопросе, как национальный.

Хрущевская «десталинизация» поставила новые издания работ Сталина под фактический запрет, а после нее Сталина попытались сделать своим знаменем чуждые его идеям силы. От Сталина-революционера, Сталина-наркома по делам национальностей молодой Советской Республики, Сталина-руководителя социалистического строительства попытались отставить, лишь Сталина-руководителя «державы» (забыв о том, что разные «державы» служат разным классам).

Разумеется, Сталин как автор «Марксизма и национального вопроса» не нужен тем, кто называет себя его сторонником, но отрицает и революцию, и демократию, и право наций на самоопределение – таким шовинистам, как КПРФ и «Суть времени». Не нужен он и буржуазии, которая в зависимости от запросов момента делает из него то, кровавого маньяка, то сусального вождя. Неудобен Сталин-ученик и преемник Ленина, разумеется, и тем, кто хочет заменить марксизм-ленинизм какой-нибудь «модной» (хотя мода может быть и полувековой) теорией. Неудивительно, что марксистские труды Сталина сейчас больше известны в тех странах, где есть мощные боевые коммунистические партии, чем в России – тем важнее они для нас, российских марксистов.

Первая из работ, входящих в сборник – «Анархизм и социализм» – была написана на грузинском языке в 1907 г. Поводом для ее написания стала полемика с грузинскими анархистами, боровшимися против марксистов за влияние на социалистическое движения Закавказья, но значение этой работы выходит за узкие рамки местной полемики.

Еще молодой Иосиф Джугашвили, или «Коба» (псевдоним «Сталин» появится позже) подверг острой критике взгляды грузинских анархистов и их русских учителей – не остались незамеченными ни их эклектическая позиция в философии (далекая и от диалектики, и от твердого материализма), ни их верхоглядство («Анархисты одержимы одним недугом: они очень любят «критиковать» партии своих противников, но не дают себе труда хоть сколько-нибудь ознакомиться с этими партиями»), ни прямо вытекающее из незнания диалектики непонимание роли пролетарского государства в переходный период между капитализмом и коммунизмом.

Если «Анархизм или социализм?» был популяризаторской работой, то «Марксизм и национальный вопрос», написанный в 1912-13 гг. уже зрелым автором-марксистом, членом большевистского ЦК, стал одной из самых важных марксистских работ по национальному вопросу на все времена.

Будучи учеником Ленина, Сталин сыграл важную роль в полемике по национальному вопросу, развернувшейся перед Первой мировой войной. С одной стороны, ленинской позиции противостояли Роза Люксембург и польские социал-демократы, которые в борьбе со «своим», польским шовинизмом, дошли до отрицания права наций на самоопределение вовсе. С другой стороны – ревизионистские теоретики австрийской социал-демократии пошли на поводу у национализма, признав возможным деление социал-демократической партии по национальному (вместо территориального) принципу и создание в рамках государства искусственных

союзов граждан по принципу национального происхождения, разделяющих трудящихся разных наций вместо их сближения.

Показавший объективное существование наций Сталин стоит в этом вопросе выше, чем позднейшие теоретики, видящие в них лишь «воображаемую» общность и отрывающие процесс формирования наций от развития капитализма. С другой же стороны, Сталин не забывал о том, что нация объединяет представителей враждебных классов, что демократическое право народов решить свою судьбу самостоятельно может быть использовано и реакцией, а потому нельзя путать право с целесообразностью отделения; наконец, что национализм угнетенной нации порождается ограничительными и запретительными мерами со стороны нации угнетающей.

Ключевые принципы демократического решения национального вопроса, выдвинутые Сталиным – право на самоопределение, территориальная автономия, национальное равноправие, интернациональное сплочение рабочих – актуальны и в наши дни.

Серия лекций «Об основах ленинизма» подытожила ленинский период развития революции в России и мирового коммунистического движения – самому Ленину обобщить его не довелось. Отметив, что ленинизм стал «марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», Сталин вступил в полемику как с теми, кто представлял ленинизм лишь как «применение марксизма к своеобразным условиям российской обстановки» (о, зюгановцы! Если бы вы были способны задуматься!), так и с теми, кто представлял учение Ленина лишь как «возрождение» революционного марксизма (определение, неизбежно замазывающее тот факт, что марксизм эпохи империализма не мог просто повторить марксизм доимпериалистических времен).

Без специфики России, впрочем, обойтись было нельзя – Сталин справедливо видел ее в том, что в нашей стране сплелись все противоречия империалистической эпохи – и, ударив, по такому реакционному институту, как царизм, рабочий класс России не мог не задеть и западных империалистов. И именно поэтому значение революции стало интернациональным («Могли ли русские коммунисты при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма»).

Причины, порождающие пролетарскую революцию, интернациональны, но сама она возникает там, где сплетаются все противоречия, а не там, где «больше развита промышленность, где пролетариат составляет большинство, где больше культуры, где больше демократии» – этот вывод следовало бы понять как склонным к примитивному евроцентризму троцкистам и реформистам, так и тем «коммунистам» от национализма, которые видят в социализме лишь рецепт для спасения «своей» нации, опуская социализм с роли всемирного революционного движения на роль узконационального лекарства от кризисов.

В этой же работе Сталин коснулся и крестьянского вопроса, еще раз подчеркнув двойственную природу крестьянства и его роль как союзника пролетариата, и национального, вновь вернувшись к демократическим принципам его решения, и вопроса о диктатуре пролетариата, разбиравшегося еще в «Анархизме или социализме».

В 1950 г. Сталину пришлось коснуться новой для него темы – лингвистики. Сосредоточение средств в советской науке на ключевых направлениях позволяло добиться выдающихся результатов в ряде областей, но оно же иногда позволяло получить поддержку правительства откровенным шарлатанам, обещавшим легкие успехи. В лингвистике такую роль сыграло уче-

ние языковеда Н.Я. Марра – Сталину пришлось вмешаться для защиты языкознания от псевдомарксистских искажений, и даже ярый критик Сталина Ноам Хомский признал эту работу «разумной».

Главным трудом последних жизни Сталина стали «Экономические проблемы социализма в СССР» – сейчас эта книга выглядит как грозное предостережение против введения рыночных методов в социалистическую экономику. От этих методов буржуазные и мелкобуржуазные теоретики, прикрытые до поры красными флагами, не отказывались никогда – и немудрено, что раскритикованный в книге за предложение продать МТС колхозам экономист Венжер оказался сохранившим свои взгляды до конца жизни немарксистом, сторонником эсеровского «кооперативного социализма»¹. Однако и сталинскую работу нельзя назвать безупречной – справедливо назвав колхозную собственность низшей формой социалистической собственности по сравнению с общенародной и причиной сохранения товарно-денежных отношений в СССР, Сталин не показал связь остатков ТДО с классовой борьбой и даже возрождением капиталистических отношений, сосредоточившись на показе «строгих рамок» развитию товарного производства в капиталистическое. В «Экономических проблемах социализма в СССР» в целом верно показан путь к коммунизму, но не показаны его враги – указывать на врагов пришлось уже Мао Цзэдуну и Энверу Ходже в существенно ухудшившихся для марксистов-ленинцев условиях.

Юлий Михайлов

---

¹ Воейков М., Кузнецов Т., Никифоров Л. В.Г.Венжер – теоретик русского кооперативного социализма, URL: http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/99_1/vensxr.htm

Анархизм или социализм?

Стержнем современной общественной жизни является классовая борьба. А в ходе этой борьбы каждый класс руководствуется своей идеологией. У буржуазии есть своя идеология – это так называемый **либерализм**. Есть своя идеология и у пролетариата – это? как известно, **социализм**.

Либерализм нельзя считать чем-то цельным и нераздельным: он подразделяется на различные направления соответственно различным прослойкам буржуазии.

Не является цельным и нераздельным и социализм: в нем также имеются различные направления.

Мы не станем здесь заниматься рассмотрением либерализма, – это лучше отложить на другое время. Мы хотим ознакомить читателя только с социализмом и его течениями. По нашему мнению, это для него будет более интересно.

Социализм делится на три главных течения: **реформизм, анархизм и марксизм**.

Реформизм (Бернштейн и др.), который считает социализм только отдаленной целью и ничем больше, реформизм, который фактически отрицает социалистическую революцию и пытается установить социализм мирным путем, реформизм, который проповедует не борьбу классов, а их сотрудничество, – этот реформизм изо дня в день разлагается, изо дня в день теряет всякие признаки социализма, и, по нашему мнению, рассмотрение его здесь, в этих статьях, при определении социализма, не представляет никакой надобности.

Совсем иное дело марксизм и анархизм: оба они в настоящее время признаются социалистическими течениями, оба ведут ожесточенную борьбу между собой, оба они стараются представить себя в глазах пролетариата учениями подлинно-социалистическими, и, конечно, рассмотрение и противопоставление их друг ДРУГУ будет для читателя гораздо более интересным.

Мы не принадлежим к тем людям, которые при упоминании слова «анархизм» презрительно отворачиваются и, махнув рукою, говорят: «Охота вам заниматься им, даже и говорить-то о нем не стоит!» Мы полагаем, что такая дешевая «критика» является и недостойной, и бесполезной.

Мы не принадлежим и к тем людям, которые утешают себя тем, что у анархистов-де «нет массы и поэтому они не так уж опасны». Дело не в том, за кем сегодня идет большая или меньшая «масса», – дело в существовании учения. Если «учение» анархистов выражает истину, тогда оно, само собой разумеется, обязательно проложит себе дорогу и соберет вокруг себя массу. Если же оно несостоятельно и построено на ложной основе, оно долго не продержится и повиснет в воздухе. Несостоятельность же анархизма должна быть доказана.

Некоторые считают, что у марксизма и у анархизма одни и те же принципы, что между ними лишь тактические разногласия, так что, по их мнению, совершенно невозможно противопоставлять друг другу эти два течения.

Но это большая ошибка.

Мы считаем, что анархисты являются настоящими врагами марксизма. Стало быть, мы признаем и то, что с настоящими врагами надо вести и настоящую борьбу. А поэтому необходимо рассмотреть «учение» анархистов с начала и до конца и основательно взвесить его со всех сторон.

Дело в том, что марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба они выступают на арене борьбы под социалистическим флагом. Краеугольный камень анархизма – личность, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, коллектива. По мнению анархизма, освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, ввиду чего его лозунг: «Все для лич-

ности». Краеугольным же камнем марксизма является масса, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности. То есть, по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, ввиду чего его лозунг: «Все для массы».

Ясно, что здесь мы имеем два принципа, отрицающие друг друга, а не только тактические разногласия.

Цель наших статей – сопоставить эти два противоположных принципа, сравнить между собой марксизм и анархизм и тем самым осветить их достоинства и недостатки. При этом, мы считаем нужным здесь же ознакомить читателя с планом статей.

Мы начнем с характеристики марксизма, попутно коснемся взглядов анархистов на марксизм, а потом перейдем к критике самого анархизма. А именно: изложим диалектический метод, взгляды анархистов на этот метод и нашу критику; материалистическую теорию, взгляды анархистов и нашу критику (здесь же будет сказано о социалистической революции) социалистической диктатуре, программе-минимум и вообще о тактике); философию анархистов и нашу критику; социализм анархистов и нашу критику; тактику и организацию анархистов – и в заключение дадим наши выводы.

Мы постараемся доказать, что анархисты как проповедники социализма мелких общин не являются подлинными социалистами.

Мы постараемся также доказать, что анархисты, поскольку они отрицают диктатуру пролетариата, не являются и подлинными революционерами...

Итак, приступим к делу.

І. Диалектический метод

*В мире все движется... Изменяется жизнь, растут
производительные силы, рушатся старые отношения.
К. Маркс*

Марксизм – это не только теория социализма, это – цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом.

Поэтому изложить марксизм – это значит изложить и диалектический материализм.

Почему эта система называется диалектическим материализмом?

Потому, что метод ее – диалектический, а теория – материалистическая.

Что такое диалектический метод?

Говорят, что общественная жизнь находится в состоянии непрерывного движения и развития, и это верно: жизнь нельзя считать чем-то неизменным и застывшим, она никогда не останавливается на одном уровне, она находится в вечном движении, в вечном процессе разрушения и созидания. Поэтому в жизни всегда существует новое и старое, растущее и умирающее, революционное и контрреволюционное.

Диалектический метод говорит, что жизнь нужно рассматривать именно такой, какова она в действительности. Мы видели, что жизнь находится в непрерывном движении, следовательно, мы должны рассматривать жизнь в ее движении и ставить вопрос: куда идет жизнь? Мы видели, что жизнь представляет картину постоянного разрушения и созидания, следовательно, наша обязанность – рассматривать жизнь в ее разрушении и созидании и ставить вопрос: что разрушается и что создается в жизни?

То, что в жизни рождается и изо дня в день растет, – неодолимо, остановить его движение вперед невозможно. То есть, если, например, в жизни рождается пролетариат как класс и он изо дня в день растет, то как бы слаб и малочислен ни был он сегодня, в конце концов он все же победит. Почему? Потому, что он растет, усиливается и идет вперед. Наоборот, то, что в жизни стареет и идет к могиле, неизбежно должно потерпеть поражение, хотя бы оно сегодня представляло из себя богатырскую силу. То есть, если, например, буржуазия постепенно теряет почву под ногами и с каждым днем идет вспять, то как бы сильна и многочисленна ни была она сегодня, в конце концов она все же потерпит поражение. Почему? Да потому, что она как класс разлагается, слабеет, стареет и становится лишним грузом в жизни.

Отсюда и возникло известное диалектическое положение: все то, что действительно существует, т. е. все то, что изо дня в день растет, – разумно, а все то, что изо дня в день разлагается, – неразумно и, стало быть) не избегнет поражения.

Пример. В восьмидесятых годах прошлого столетия в среде русской революционной интеллигенции возник большой спор.

Народники утверждали, что главная сила, которая может взять на себя «освобождение России», – это мелкая буржуазия деревни и города. Почему? – спрашивали их марксисты. Потому, говорили народники, что мелкая буржуазия деревни и города составляет теперь большинство и, кроме того, она бедна и живет в нищете.

Марксисты отвечали: верно, что мелкая буржуазия деревни и города теперь составляет большинство и что она действительно бедна, но разве в этом дело? Мелкая буржуазия уже давно составляет большинство, но до сих пор она без помощи пролетариата никакой инициативы в борьбе за «свободу» не проявляла. А почему? Да потому, что мелкая буржуазия как класс не растет, наоборот, она изо дня в день разлагается и распадается на буржуа и пролетариев. С другой стороны, разумеется, и бедность не имеет тут решающего значения: «босыки»

беднее мелкой буржуазии, но никто не скажет, что они могут взять на себя «освобождение России».

Как видите, дело заключается не в том, какой класс сегодня составляет большинство или какой класс беднее, – а в том, какой класс крепнет и какой разлагается.

И так как пролетариат – это единственный класс, который непрерывно растет и крепнет, который двигает вперед общественную жизнь и собирает вокруг себя все революционные элементы, то наша обязанность – признать его главной силой в современном движении, стать в его ряды и сделать его передовые стремления своими стремлениями. Так отвечали марксисты.

Очевидно, марксисты диалектически смотрели на жизнь, тогда как народники рассуждали метафизически, – они представляли общественную жизнь застывшей на одной точке.

Так смотрит диалектический метод на развитие жизни.

Но есть движение и движение. Было движение в общественной жизни в «декабрьские дни», когда пролетариат, разогнув спину, напал на склады оружия и шел в атаку на реакцию. Но общественным движением надо назвать и движение предыдущих лет, когда пролетариат в условиях «мирного» развития ограничивался отдельными забастовками и созданием мелких профсоюзов.

Ясно, что движение имеет различные формы.

И вот диалектический метод говорит, что движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную.

Движение эволюционно, когда прогрессивные элементы стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные, изменения.

Движение революционно, когда те же элементы объединяются, проникаются единой идеей и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки.

Эволюция prepares революцию и создает для нее почву, а революция завершает эволюцию и содействует ее дальнейшей работе.

Такие же процессы имеют место и в жизни природы. История науки показывает, что диалектический метод является подлинно научным методом: начиная с астрономии и кончая социологией – везде находит подтверждение та мысль, что в мире нет ничего вечного, что все изменяется, все развивается. Следовательно, все в природе должно рассматриваться с точки зрения движения, развития. А это означает, что дух диалектики пронизывает всю современную науку.

Что же касается форм движения, что касается того, что, согласно диалектике, мелкие, количественные, изменения в конце концов приводят к большим, качественным, изменениям, – то этот закон в равной мере имеет силу и в истории природы. Менделеевская «периодическая система элементов» ясно показывает, какое большое значение в истории природы имеет возникновение качественных изменений из изменений количественных. Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неodarвинизм.

Мы ничего не говорим о других фактах, с достаточной полнотой освещенных Ф. Энгельсом в его «Анти-Дюринге». Таково содержание диалектического метода.

* * *

Как смотрят анархисты на диалектический метод? Всем известно, что родоначальником диалектического метода был Гегель. Маркс очистил и улучшил этот метод. Конечно, это обстоятельство известно и анархистам. Они знают, что Гегель был консерватором, и вот, пользуясь случаем, они всю бранят Гегеля как сторонника «реставрации», они с увлечением «доказывают», что «Гегель – философ реставрации... что он восхваляет бюрократический конституционализм в его абсолютной форме, что общая идея его философии истории подчинена и

служит философскому направлению эпохи реставрации», и так далее и тому подобное (см. «Нобати» № 6. Статья В. Черкезишвили).

То же самое «доказывает» в своих сочинениях известный анархист Кропоткин (см., например, его «Науку и анархизм» на русском языке).

Кропоткину в один голос вторят наши кропоткинцы, начиная от Черкезишвили вплоть до Ш. Г. (см. номера «Нобати»).

Правда, об этом никто с ними не спорит, наоборот, каждый согласится с тем, что Гегель не был революционером. Сами Маркс и Энгельс раньше всех доказали в своей «Критике критической критики», что исторические взгляды Гегеля в корне противоречат самодержавию народа. Но, несмотря на это, анархисты все же «доказывают» и считают нужным каждый день «доказывать», что Гегель – сторонник «реставрации». Для чего они это делают? Вероятно, для того, чтобы всем этим дискредитировать Гегеля и дать почувствовать читателю, что у «реакционера» Гегеля и метод не может не быть «отвратительным» и ненаучным.

Таким путем анархисты думают опровергнуть диалектический метод.

Мы заявляем, что таким путем они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества, Паскаль и Лейбниц не были революционерами, но открытый ими математический метод признан ныне научным методом. Майер и Гельмгольц не были революционерами, но их открытия в области физики легли в основу науки. Не были революционерами также Ламарк и Дарвин, но их эволюционный метод поставил на ноги биологическую науку... Почему же нельзя признать тот факт, что, несмотря на консерватизм Гегеля, ему, Гегелю, удалось разработать научный метод, именуемый диалектическим?

Нет, этим путем анархисты не докажут ничего, кроме собственного невежества.

Пойдем дальше. По мнению анархистов, «диалектика – это метафизика», а так как они «хотят освободить науку от метафизики, философию от теологии», то они и отвергают диалектический метод (см. «Нобати» №№ 3 и 9. Ш. Г., см. также «Наука и анархизм» Кропоткина).

Ну и анархисты! Как говорится, «с больной головы на здоровую». Диалектика созрела в борьбе с метафизикой, в этой борьбе она стяжала себе славу, а по мнению анархистов выходит, что диалектика – это метафизика!

Диалектика говорит, что в мире нет ничего вечного, в мире все преходяще и изменчиво, изменяется природа, изменяется общество, меняются нравы и обычаи, меняются понятия о справедливости, меняется сама истина, – поэтому-то диалектика и смотрит на все критически, поэтому-то она и отрицает раз навсегда установленную истину, следовательно, она отрицает и отвлеченные «догматические положения, которые остаются только зазубрить, раз они открыты» (см. Ф. Энгельс, «Людвиг Фейербах»).

Метафизика же говорит нам совершенно другое. Для нее мир есть нечто вечное и неизменное (см. Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»), он раз и навсегда определен кем-то или чем-то, – вот почему у метафизиков всегда на языке «вечная справедливость» и «неизменная истина».

«Родоначальник» анархистов Прудон говорил, что в мире существует раз навсегда определенная неизменная справедливость, которая должна быть положена в основу будущего общества. В связи с этим Прудона называли метафизиком. Маркс боролся против Прудона с помощью диалектического метода и доказывал, что раз в мире все изменяется, то должна изменяться и «справедливость», и, следовательно, «неизменная справедливость» – это метафизический бред (см. К. Маркс, «Нищета философии»). Грузинские же ученики метафизика Прудона твердят нам: «Диалектика Маркса – это метафизика»!

Метафизика признает различные туманные догмы, так например, «непознаваемое», «вещь в себе», и в конце концов переходит в бессодержательное богословие. В противоположность Прудону и Спенсеру Энгельс боролся против этих догм при помощи диалектического метода (см. «Людвиг Фейербах»). А анархисты – ученики Прудона и Спенсера – говорят нам, что Прудон и Спенсер – ученые, а Маркс и Энгельс – метафизики!

Одно из двух: либо анархисты обманывают самих себя, либо не ведают, что говорят.

Во всяком случае, несомненно то, что анархисты смешивают метафизическую систему Гегеля с его диалектическим методом.

Нечего и говорить, что философская система Гегеля, опирающаяся на неизменную идею, является от начала до конца метафизической. Но ясно также и то, что диалектический метод Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца научным и революционными

Вот почему Карл Маркс, подвергший метафизическую систему Гегеля уничтожающей критике, в то же время с похвалой отзывался о его диалектическом методе, который, по словам Маркса, «ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критичен и революционен» (см. «Капитал», т. 1. Послесловие).

Вот почему Энгельс усматривает большое различие между методом Гегеля и его системой, «Человек, дороживший преимущественно системой Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический метод) мог и в политике и в религии принадлежать к самой крайней оппозиции» (см. «Людвиг Фейербах»).

Анархисты не видят этого различия и необдуманно твердят, что «диалектика – это метафизика».

Пойдем дальше. Анархисты говорят, что диалектический метод – «хитросплетение», «метод софизмов»), «логического сальтомортале см. «Нобати» № 8. Ш. Г.), «при помощи которого одинаково легко доказываются и истина и ложь» (см. «Нобати» № 4. Статья В. Черкезшвили).

Итак, по мнению анархистов, диалектический метод одинаково доказывает истину и ложь.

На первый взгляд может показаться, что обвинение, выдвинутое анархистами, не лишено основания. Послушайте, например, что говорит Энгельс о последователе метафизического метода:

«...Речь его состоит из «да – да, нет – нет; что сверх того, то от лукавого». Для него вещь или существует или не существует, предмет не может быть самим собою и в то же время чем-нибудь другим; положительное и отрицательное абсолютно исключают друг друга...» (см. «Анти-Дюринг». Введение).

Как же так! – горячатся анархисты. – Разве возможно, чтобы едини тот же предмет в одно и то же время был и хорошим и плохим? Ведь это «софизм», «игра слов», ведь это значит, что «вы хотите с одинаковой легкостью доказать истину и ложь»!..

Однако вдумаясь в суть дела.

Сегодня мы требуем демократической республики. Можем ли мы сказать, что демократическая республика во всех отношениях хороша или во всех отношениях плоха? Нет, не можем!

Почему? Потому, что демократическая республика хороша только с одной стороны, когда она разрушает феодальные порядки, но зато она плоха с другой стороны, когда она укрепляет буржуазные порядки. Поэтому мы и говорим: поскольку демократическая республика разрушает феодальные порядки, постольку она хороша, – и мы боремся за нее, но поскольку она укрепляет буржуазные порядки, постольку она плоха, – и мы боремся против нее.

Выходит, что одна и та же демократическая республика в одно и то же время и «хороша» и «плоха» – и «да» и «нет».

То же самое можно сказать о восьмичасовом рабочем дне, который в одно и то же время и «хорош», поскольку он усиливает пролетариат, и «плох», поскольку он укрепляет систему наемного труда.

Именно такие факты имел в виду Энгельс, когда он приведенными выше словами характеризовал диалектический метод.

Анархисты же не поняли этого, и совершенно ясная мысль показалась им туманным «софизмом».

Конечно, анархисты вольны замечать или не замечать эти факты, они даже могут на песчаном берегу не замечать песка, – это их право. Но причем тут диалектический метод, который, в отличие от анархизма, не смотрит на жизнь закрытыми глазами, чувствует биение пульса жизни и прямо говорит: коль скоро жизнь изменяется и находится в движении, – всякое жизненное явление имеет две тенденции: положительную и отрицательную, из коих первую мы должны защищать, а вторую отвергнуть.

Пойдем еще дальше. По мнению наших анархистов, «диалектическое развитие есть развитие катастрофическое, посредством которого сначала полностью уничтожается прошлое, а затем совершенно обособленно утверждается будущее... Катаклизмы Кювье порождались неизвестными причинами, катастрофы же Маркса – Энгельса порождаются диалектикой» (см. «Набата» № 8. Ш. Г.).

А в другом месте тот же автор пишет: «Марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически» (см. «Нобати» № 6). Обратите внимание!

Кювье отрицает дарвиновскую эволюцию, он признает только катаклизмы, а катаклизм – неожиданный взрыв, «порождаемый неизвестными причинами». Анархисты говорят, что марксисты примыкают к Кювье и, следовательно, отвергают дарвинизм.

Дарвин отрицает катаклизмы Кювье, он признает постепенную эволюцию. И вот те же анархисты говорят, что «марксизм опирается на дарвинизм и относится к нему некритически», т. е. марксисты отрицают катаклизмы Кювье.

Одним словом, анархисты обвиняют марксистов в том, что они примыкают к Кювье, и в то же время упрекают их в том, что они примыкают к Дарвину, а не к Кювье.

Вот она – анархия! Как говорится: унтер-офицерская вдова сама себя высекла! Ясно, что Ш. Г. из восьмого номера «Нобати» забыл о том, что говорил Ш. Г. из шестого номера.

Который из них прав: восьмой или шестой номер? Обратимся к фактам. Маркс говорит: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности... Тогда наступает эпоха социальной революции». Но «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...» (см. К. Маркс) «К критике политической экономии». Предисловие).

Если применить этот тезис Маркса к современной общественной жизни, то получится, что между современными производительными силами, имеющими общественный характер, и формой присвоения продуктов, имеющей частный характер, существует коренной конфликт, который должен завершиться социалистической революцией (см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Вторая глава третьего раздела).

Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революцию порождают не «неизвестные причины» Кювье, а совершенно определенные и жизненные общественные причины, называемые «развитием производительных сил».

Как видите, по мнению Маркса и Энгельса, революция совершается только тогда, когда достаточно созреют производительные силы, а не неожиданно, как это думал Кювье.

Ясно, что между катаклизмами Кювье и диалектическим методом Маркса нет ничего общего.

С другой стороны, дарвинизм отвергает не только катаклизмы Кювье, но также и диалектически понятое развитие, включающее революцию, тогда как с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменения, – это две необходимые формы одного и того же движения.

Очевидно нельзя утверждать и того, что «марксизм... некритически относится к дарвинизму».

Выходит, что «Нобати» ошибается в обоих случаях, как в шестом, так и в восьмом номере.

Наконец, анархисты упрекают нас в том, что «диалектика... не дает возможности ни выйти или выскочить из себя, ни перепрыгнуть через самого себя» (см. «Нобати» № 8. Ш. Г.).

Вот это, гг. анархисты, сущая истина, тут вы, почтенные, совершенно правы: диалектический метод действительно не дает такой возможности. Но почему не дает? А потому, что «выскакивать из себя и перепрыгивать через самого себя» – это занятие диких коз, диалектический же метод создан для людей.

Вот в чем секрет!..

Таковы в общем взгляды анархистов на диалектический метод.

Ясно, что анархисты не поняли диалектического метода Маркса и Энгельса, – они выдумали свою собственную диалектику и именно с нею и сражаются так беспощадно.

Нам же остается только смеяться, глядя на это зрелище, ибо нельзя не смеяться, когда видишь, как человек борется со своей собственной фантазией, разбивает свои собственные вымыслы и в то же время с жаром уверяет, что он разит противника.

II. Материалистическая теория

Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

К. Маркс

С диалектическим методом мы уже знакомы. Что такое материалистическая теория? Все в мире изменяется, все в жизни развивается, но как происходит это изменение и в каком виде совершается это развитие?

Мы знаем, например, что земля некогда представляла раскаленную огненную массу, затем она постепенно остыла, затем возникли растения и животные, за развитием животного мира последовало появление определенного рода обезьян, и потом за всем этим последовало появление человека.

Так происходило в общем развитие природы.

Знаем также и то, что и общественная жизнь также не стояла на одном месте. Было время, когда люди жили на первобытнокоммунистических началах; в то время они поддерживали свое существование первобытной охотой, они бродили по лесам и так добывали себе, пищу. Наступило время, когда первобытный коммунизм сменился матриархатом, – в это время люди удовлетворяли свои потребности преимущественно посредством первобытного земледелия. Затем матриархат сменился патриархатом, когда люди поддерживали свое существование преимущественно скотоводством. Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, – тогда люди поддерживали свое существование сравнительно более развитым земледелием. За рабовладельческим строем последовало крепостничество, а потом за всем этим последовал буржуазный строй.

Так происходило в общем развитие общественной жизни. Да, все это известно... Но как совершалось это развитие: сознание ли вызывало развитие «природы» и «общества», или, наоборот, развитие «природы» и «общества» вызывало развитие сознания?

Так ставит вопрос материалистическая теория.

Некоторые говорят, что «природе» и «общественной жизни» предшествовала мировая идея, которая потом легла в основу их развития, так что развитие явлений «природы» и «общественной жизни» является, так сказать, внешней формой, простым выражением развития мировой идеи.

Таково было, например, учение идеалистов, которые со временем разделились на несколько течений.

Другие же говорят, что в мире изначально существуют две друг друга отрицающие силы – идея и материя, сознание и бытие, и что, в соответствии с этим, явления также делятся на два ряда – идеальный и материальный, которые отрицают друг друга и борются между собой, так что развитие природы и общества – это постоянная борьба между идеальными и материальными явлениями.

Таково было, например, учение дуалистов, которые со временем, подобно идеалистам, разделились на несколько течений.

Материалистическая теория в корне отрицает как дуализм, так и идеализм.

Конечно, в мире существуют идеальные и материальные явления, но это вовсе не означает того, будто они отрицают друг друга. Наоборот, идеальная и материальная стороны суть две различные формы одной и той же природы или общества, их нельзя представить друг без друга, они существуют вместе, развиваются вместе, и, следовательно, у нас нет никакого основания думать, что они отрицают друг друга.

Таким образом, так называемый дуализм оказывается несостоятельным.

Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах – в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах – в материальной и идеальной, – вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни.

Таков монизм материалистической теории.

В то же время материалистическая теория отрицает и идеализм.

Неправильна та мысль, будто идеальная сторона, и вообще сознание, в своем развитии предшествует развитию материальной стороны. Еще не было живых существ, но уже существовала так называемая внешняя, «неживая» природа. Первое живое существо не обладало никаким сознанием, оно обладало лишь свойством раздражимости и первыми зачатками ощущения. Затем у животных постепенно развивалась способность ощущения, медленно переходя в сознание, в соответствии с развитием строения их организма и нервной системы. Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее – человек – не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее – человек – был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, поимел бы возможности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их имеет четвероногое животное. Все это коренным образом задержало бы развитое человеческого сознания.

Выходит, что для развития сознания необходимо то или иное строение организма и развитие его нервной системы.

Выходит, что развитию идеальной стороны, развитию сознания, предшествует развитие материальной стороны, развитие внешних условий: сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется материальная сторона, а затем соответственно изменяется сознание, идеальная сторона.

Таким образом, история развития природы в корне подрывает так называемый идеализм.

То же самое надо сказать и об истории развития человеческого общества.

История показывает, что если в разные времена люди проникались различными мыслями и желаниями, то причина этого в том, что в разные времена люди по-разному боролись с природой для удовлетворения своих потребностей, и, в соответствии с этим, по-разному складывались их экономические отношения. Было время, когда люди боролись с природой сообща, на первобытно-коммунистических началах, тогда и их собственность была коммунистической, и поэтому они тогда почти не различали «мое» и «твое», их сознание было коммунистическим. Наступило время, когда в производство проникло различие «моего» и «твоего», – тогда и собственность приняла частный, индивидуалистический характер, и поэтому сознание людей прониклось чувством частной собственности. Наступает время, нынешнее время, когда производство вновь принимает общественный характер, следовательно, скоро и собственность примет общественный характер, – и именно поэтому сознание людей постепенно проникается социализмом.

Простой пример. Представьте себе сапожника, который имел крохотную мастерскую, но не выдержал конкуренции с крупными хозяевами, прикрыл мастерскую и, скажем, нанялся на обувную фабрику в Тифлисе к Адельханову. Он поступил на фабрику Адельханову не для того, чтобы превратиться в постоянного наемного рабочего, а с целью накопить денег, сколотить капитал, а затем вновь открыть свою мастерскую. Как видите, у этого сапожника положение уже пролетарское, но сознание его пока еще не пролетарское, оно насквозь мелкобуржуазное. Иначе говоря, мелкобуржуазное положение этого сапожника уже исчезло, его нет больше, но его мелкобуржуазное сознание еще не исчезло, оно отстало от его фактического положения.

Ясно, что и здесь, в общественной жизни, сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется положение людей, а затем соответственно изменяется их сознание.

Но вернемся к нашему сапожнику. Как мы уже знаем, он предполагает накопить денег, а затем открыть свою мастерскую. Работает пролетаризированный сапожник и видит, что скопить деньги – дело очень трудное, так как заработка едва хватает даже на существование. Кроме того, он замечает, что и открытие частной мастерской не так уж заманчиво: плата за помещение, капризы клиентов, безденежье, конкуренция крупных хозяев и тому подобные хлопоты – вот сколько забот терзают частного мастера. Между тем пролетарий сравнительно более свободен от таких забот, его не беспокоит ни клиент, ни плата за помещение, он утром приходит на фабрику, «преспокойно» уходит вечером и в субботу так же преспокойно кладет в карман «получку». Здесь-то впервые и подрезываются крылья мелкобуржуазным мечтам нашего сапожника, здесь впервые и зарождаются у него в душе пролетарские стремления.

Время идет, и наш сапожник видит, что денег не хватает на самое необходимое, что ему крайне необходимо увеличение заработной платы. В то же время он замечает, что его товарищи поговаривают о каких-то союзах и стачках. Здесь-то и осознает наш сапожник, что для улучшения своего положения необходимо бороться с хозяевами, а не открывать собственную мастерскую. Он вступает в союз, включается в стачечное движение и вскоре приобщается к социалистическим идеям...

Таким образом, за изменением материального положения сапожника в конце концов последовало изменение его сознания: сначала изменилось его материальное положение, а затем, спустя некоторое время, соответственно изменилось и его сознание.

То же самое надо сказать о классах и об обществе в целом.

В общественной жизни также сначала изменяются внешние условия, сначала изменяются материальные условия, а затем в соответствии с этим изменяются и мышление людей, их нравы, обычаи, их мировоззрение.

Поэтому Маркс говорит: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Если материальную сторону, внешние условия, бытие и другие подобные явления мы назовем содержанием, тогда идеальную сторону, сознание и другие подобные явления мы можем назвать формой. Отсюда возникло известное материалистическое положение: в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстает от содержания.

И так как, по мнению Маркса, экономическое развитие является «материальной основой» общественной жизни, ее содержанием, а юридически – политическое и религиозно-философское развитие является «идеологической формой» этого содержания, его «надстройкой», – то Маркс делает вывод: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке».

Конечно, это вовсе не означает, будто, по мнению Маркса, возможно содержание без формы, как это померещилось Ш. Г. (см. «Нобати» № 1. «Критика монизма»). Содержание без формы невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду ее отставания от своего содержания, никогда полностью не соответствует этому содержанию, и, таким образом, новое содержание «вынуждено» временно облечься в старую форму, что вызывает конфликт между ними. В настоящее время, например, общественному содержанию производства не соответствует форма присвоения продуктов производства, которая имеет частный характер, и именно на этой почве происходит современный социальный «конфликт».

С другой стороны, та мысль, что сознание является формой бытия, вовсе не означает, будто сознание по своей природе есть та же материя. Так думали только вульгарные материалисты (например, Бюхнер и Молешотт), теории которых в корне противоречат материализму Маркса и которых справедливо высмеивал Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе». Согласно материализму Маркса, сознание и бытие, идея и материя – это две различные формы одного и

того же явления, которое, вообще говоря) называется природой или обществом. Стало быть, они и не отрицают друг друга и в то же время не представляют собой одного и того же явления. Дело лишь в том, что в развитии природы и общества сознанию, т. е. тому, что совершается в нашей голове, предшествует соответствующее материальное изменение, т. е. то, что совершается вне нас, – за тем или иным материальным изменением рано или поздно неизбежно последует соответствующее идеальное изменение.

Прекрасно, скажут нам, может быть это и правильно в отношении истории природы и общества. Но каким образом рождаются в нашей голове в настоящее время различные представления и идеи? Существуют ли в действительности так называемые внешние условия, или же существуют только наши представления об этих внешних условиях? И если существуют внешние условия, то в какой мере возможно их восприятие и познание?

По этому поводу материалистическая теория говорит, что наши представления, наше «я» существует лишь постольку, поскольку существуют внешние условия, вызывающие впечатления в нашем «я». Тот, кто необдуманно говорит, что не существует ничего, кроме наших представлений, вынужден отрицать какие бы то ни было внешние условия и, стало быть, отрицать существование остальных людей, допуская существование лишь своего «я», что абсурдно и в корне противоречит основам науки.

Очевидно, что внешние условия действительно существуют, эти условия существовали до нас и будут существовать после нас, причем их восприятие и познание возможно тем легче, чем чаще и сильнее они будут воздействовать на наше сознание.

Что касается того, каким образом рождаются в настоящее время в нашей голове различные представления и идеи, то мы должны заметить, что здесь вкратце повторяется то же, что происходит в истории природы и общества. И в данном случае предмет, находящийся вне нас, предшествовал нашему представлению об этом предмете, и в данном случае наше представление, форма, отстает от предмета – от своего содержания. Если я смотрю на дерево и вижу его, – это означает лишь то, что еще до того, как в моей голове родилось представление о дереве, существовало само дерево, которое вызвало у меня соответствующее представление...

Таково вкратце содержание материалистической теории Маркса.

Нетрудно понять, какое значение должна иметь материалистическая теория для практической деятельности людей.

Если сначала изменяются экономические условия, а затем соответственно изменяется сознание людей, то ясно, что обоснование того или иного идеала мы должны искать не в мозгу людей, не в их фантазии, а в развитии их экономических условий. Хорош и приемлем только тот идеал, который создан на основании изучения экономических условий. Негодны и неприемлемы все те идеалы, которые не считаются с экономическими условиями, не опираются на их развитие.

Таков первый практический вывод материалистической теории.

Если сознание людей, их нравы и обычаи определяются внешними условиями, если негодность юридических и политических форм зиждется на экономическом содержании, то ясно, что мы должны способствовать коренному переустройству экономических отношений, чтобы вместе с ними в корне изменились нравы и обычаи народа и его политические порядки.

Вот что говорит об этом Карл Маркс:

«Не требуется большого остроумия, чтобы усмотреть связь между учением материализма... и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и проч. из чувственного мира... то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек познавал в нем истинно-человеческое, чтобы он привыкал в нем воспитывать в себе человеческие свойства... Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдель-

ных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления... Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими» (см. «Людвиг Фейербах», приложение «К. Маркс о французском материализме XVIII века»).

Таков второй практический вывод материалистической теории.

* * *

Как смотрят анархисты на материалистическую теорию Маркса и Энгельса?

Если диалектический метод берет свое начало от Гегеля, то материалистическая теория является развитием материализма Фейербаха, Это хорошо известно анархистам, и они пытаются использовать недостатки Гегеля и Фейербаха для того, чтобы очернить диалектический материализм Маркса и Энгельса. В отношении Гегеля и диалектического метода мы уже указывали, что такие уловки анархистов не могут доказать ничего, кроме их собственного невежества. То же самое надо сказать и в отношении их нападков на Фейербаха и на материалистическую теорию.

Вот, например, анархисты с большим апломбом говорят нам, что «Фейербах был пантеистом...», что он «обожествил человека» (см. «Нобати» № 7. Д. Деленди), что, «по мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест...», что отсюда Маркс якобы сделал такой вывод: «Следовательно, самым главным и самым первым является экономическое положение...» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Правда, в пантеизме Фейербаха, в обожествлении им человека и в других подобных его ошибках никто не сомневается. Наоборот, Маркс и Энгельс первые вскрыли ошибки Фейербаха. Но анархисты, тем не менее, считают нужным снова «разоблачить» уже разоблаченные ошибки. Почему? Вероятно, потому, что, браня Фейербаха, косвенно хотят очернить материалистическую теорию Маркса и Энгельса. Конечно, если мы беспристрастно посмотрим на дело, то, наверное, найдем, что у Фейербаха наряду с неправильными мыслями были и правильные, точно так же, как это случалось в истории со многими учеными. Но анархисты все же продолжают «разоблачать»...

Еще раз заявляем, что подобными уловками они не докажут ничего, кроме своего собственного невежества.

Интересно, что (как мы это увидим ниже) анархисты вздумали критиковать материалистическую теорию понаслышке, без всякого знакомства с нею. Вследствие этого они часто противоречат друг другу и опровергают друг друга, что, конечно, ставит наших «критиков» в смешное положение. Вот, например, если послушать г-на Черкезишвили, то оказывается, что Маркс и Энгельс ненавидели монистический материализм, что их материализм был вульгарным, а не монистическим:

«Та великая наука натуралистов с ее системой эволюции, трансформизмом и монистическим материализмом, которую так сильно ненавидит Энгельс... избегала диалектики» и т. д. (см. «Нобати» № 4. В. Черкезишвили).

Выходит, что естественнонаучный материализм, который одобряет Черкезишвили и который «ненавидел» Энгельс, был монистическим материализмом, и, следовательно, он заслуживает одобрения, а материализм Маркса и Энгельса не является монистическим и, понятно, не заслуживает признания.

Другой же анархист говорит, что материализм Маркса и Энгельса является монистическим, а потому и заслуживает быть отвергнутым.

«Историческая концепция Маркса является атавизмом Гегеля. Монистический материализм абсолютного объективизма вообще и экономический монизм Маркса в частности невозможны в природе и ошибочны в теории... Монистический материализм является плохо при-

крытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Выходит, что монистический материализм неприемлем, Маркс и Энгельс не ненавидят его, а, напротив, сами являются монистическими материалистами, – вследствие чего монистический материализм необходимо отвергнуть.

Кто в лес, кто по дрова! Поди разберись, кто говорит правду: первый или второй! Сами еще не сталкивались между собой о достоинствах или недостатках материализма Маркса, сами еще не поняли, является ли он монистическим или нет, сами еще не разобрались в том, что более приемлемо: вульгарный или монистический материализм, – а уже оглушают нас своим бахвальством: мы разгромили, мол, марксизма

Да, да, если у гг. анархистов и впредь один будет так усердно громить взгляды другого, то, нечего и говорить, будущее будет принадлежать анархистам...

Не менее смехотворен и тот факт, что некоторые «знаменитые» анархисты, несмотря на свою «знаменитость», еще не ознакомились с различными направлениями в науке. Они, оказывается, не знают, что в науке есть разные виды материализма, что между ними имеются большие различия: есть, например, вульгарный материализм, отрицающий значение идеальной стороны и ее воздействие на материальную сторону, но есть и так называемый монистический материализм – материалистическая теория Маркса, – который научно рассматривает взаимоотношение идеальной и материальной сторон. А анархисты смешивают эти разные виды материализма, не видят даже явных различий между ними и в то же время с большим апломбом заявляют: мы возрождаем науку!

Вот, например, Л. Кропоткин в своих «философских» работах самоуверенно заявляет, что коммунистический анархизм опирается на «современную материалистическую философию», однако он ни одним словом не поясняет, на какую же «материалистическую философию» опирается коммунистический анархизм: на вульгарную, монистическую, или какую-либо другую. Он очевидно не знает, что между различными течениями материализма существует коренное противоречие, он не понимает, что смешивать друг с другом эти течения – значит не «возродить науку», а проявлять прямое невежество (см. Кропоткин, «Наука и анархизм», а также «Анархия и ее философия»).

То же самое нужно сказать и о грузинских учениках Кропоткина. Послушайте:

«По мнению Энгельса, а также и по мнению Каутского, Маркс оказал человечеству большую услугу тем, что он...», между прочим, открыл «материалистическую концепцию. Верно ли это? Не думаем, ибо знаем... что все историки, ученые и философы, которые придерживаются того взгляда, будто общественный механизм приводится в движение географическими, климатически-теллурическими и, космическим и, антропологическими и биологическими условиями, – все они являются материалистами» (см. «Нобати» № 2).

Выходит, что между «материализмом» Аристотеля и Гольбаха или между «материализмом» Маркса и Молешотта нет никакого различия! Вот так критика!

И вот люди, обладающие такими познаниями, задумали обновить науку! Недаром говорят: «Беда, коль пироги начнет печь сапожник!...»

Далее. Наши «знаменитые» анархисты где-то прослышали, что материализм Маркса – это «теория желудка», и упрекают нас, марксистов:

«По мнению Фейербаха, человек есть то, что он ест. Эта формула магически подействовала на Маркса и Энгельса», вследствие чего Маркс сделал тот вывод, что «самым главным и самым первым является экономическое положение, производственные отношения...» Затем анархисты философически нас поучают: «Сказать, что единственным средством для этой цели (общественной жизни) является еда и экономическое производство, было бы ошибкой... Если бы главным образом монистически, едой и экономическим положением определялась идеология, – то некоторые обжоры были бы гениями» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Вот как легко, оказывается, опровергнуть материализм Маркса и Энгельса. Достаточно услышать от какой-нибудь институтки уличные сплетни по адресу Маркса и Энгельса, достаточно эти уличные сплетни с философским апломбом повторить на страницах – какой-то «Нобати», чтобы сразу заслужить славу «критика» марксизма!

Но скажите, господа: где, когда, на какой планете и какой Маркс сказал, что «еда определяет идеологию»? Почему вы не привели ни единой фразы, ни единого слова из сочинений Маркса в подтверждение вашего заявления? Правда, Маркс говорил, что экономическое положение людей определяет их сознание, их идеологию, но кто вам сказал, что еда и экономическое положение – одно и то же? Неужели вы не знаете, что физиологическое явление, каким является, например, еда, в корне отличается от социологического явления, каким является, например, экономическое положение людей? Смешивать между собой эти два различных явления простительно, скажем, какой-нибудь институтке, но как могло случиться, что вы, «сокрушители социал-демократии», «возродители науки», так беззаботно повторяете ошибку институток?

Да и как это еда может определять общественную идеологию? А ну-ка вдумайтесь в свои же слова: еда, форма еды не изменяется, и в старину люди так же ели, разжевывали и переваривали пищу, как и теперь, а идеология все время изменяется. Античная, феодальная, буржуазная, пролетарская – вот, между прочим, какие формы имеет идеология. Мыслимо ли, чтобы то, что не изменяется, определяло собой то, что все время изменяется?

Пойдем дальше. По мнению анархистов, материализм Маркса «есть тот же параллелизм...» Или еще: «монистический материализм является плохо прикрытым дуализмом и компромиссом между метафизикой и наукой...» «Маркс впадает в дуализм потому, что он изображает производственные отношения как материальное, а человеческие стремления и волю как иллюзию и утопию, которая не имеет значения, хотя и существует» (см. «Нобати» № 6. Ш. Г.).

Во-первых, монистический материализм Маркса не имеет ничего общего с бесполовым параллелизмом. С точки зрения этого материализма, материальная сторона, содержание, необходимо предшествует идеальной стороне, форме. Параллелизм же отвергает этот взгляд и решительно заявляет, что ни материальная, ни идеальная сторона не предшествует одна другой, что обе они развиваются вместе, параллельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.